

*О.М. Морозова
(Ростов-на-Дону)*

МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОСТИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛЕ ДОНА)

Древняя мудрость о реке, в которую нельзя войти дважды, ставится под сомнение историей нашей страны, которой пришлось повторно вступить на топкие берега мутного потока рыночной экономики. Реалии переходного периода более чем столетней давности навязчиво вызывают ассоциации с новейшими событиями. Известная однотипность процессов позволяет судить о существовании закономерностей в появлении новых социальных слоев в сфере предпринимательской деятельности.

Экономическая жизнь Дона пореформенного времени и рубежа XIX–XX в. отличалась большой пестротой. Товарное зерновое производство вытесняло полунатуральное скотоводство. Из всего объема производимого в регионе хлеба лишь менее трети потреблялось на месте¹. Южнороссийский промышленный район стал центром притяжения для иностранного капитала, с которым в страну пришли новейшие для того времени технологии. Среднегодовой прирост промышленного производства предприятий региона на 10-15% опережал общероссийский. И в то же время падало благосостояние казачьих станиц, чему способствовало убыточное хозяйствование в рамках юртового землепользования.

Число имеющих отраслей, происхождение капиталов и их владельцев, тип получения доходов, характер собственнических отношений – все было чрезвычайно многообразно. На сравнительно небольшой в масштабах страны ее части во второй половине XIX в. стали скапливаться экономические парадоксы, соседствовать старое и новое, перемежаясь и причудливо наслаиваясь одно на другое.

Самый передовой в России в техническом и технологическом отношении промышленный район существовал с юртовым землепользованием казачьих станиц под присмотром Военного министерства, препятствовавшего всяким изменениям на подведомственной ему территории. С одной стороны, существовал Новочеркасск – единственный город в стране, находившийся под особым управлением, в котором даже дорожку в городском парке нельзя было трогать без разрешения военного министра², и с другой стороны – Ростов, стихийно выросший из лачуг рыбаков и торговцев, селившихся у таможни, – город, само появление которого противоречило имперской логике, когда практически ничто не могло возникнуть самопроизвольно, без воли и плана сверху.

Деловые круги региона были представлены выходцами из самых разных сословий Российской империи и из осевших в стране иностранцев, как принявших ее подданство, так и не сделавших этот шаг.

Великие реформы предоставили главному привилегированному классу – дворянству – наилучшие возможности для освоения новых источников дохода: заботливое правительство предоставило последнему стартовый капитал в виде выкупных сумм и не требовало от него официального оформления торгового и промышленного предпринимательства, что позволяло ему избегать налогового

учета³. “Но теперь, после всех благотельных реформ в наш промышленный век почему же дворяне не могут обратить свое внимание, свои способности, наконец, на подобные предприятия?” – вопрошал И.С. Тургенев, полжизни проживший за границей и видевший аристократов, спекулирующих на бирже и выработывающих сукно и сталь. А.Н.Энгельгардт в 1870-е гг. отмечал хозяйственную беспомощность соседей-помещиков, чье хозяйство велось плохо, “даже хуже, ... чем в крепостное время, когда были хорошие старосты-хозяева...”, и продолжал: “Теперь в поместьях остались по преимуществу барыни, которые и ведут хозяйство ... Скоро я убедился, что говорить с помещиками о хозяйстве совершенно бесполезно, потому что они большею частью очень мало в этом деле смыслят”⁴. А ведь, по словам барона Н.Е.Врангеля, “деньги на юге в то время в буквальном смысле валялись на земле, и только ленивый не подбирал их”⁵. Сам Николай Егорович, почти промотав отцовское наследство, на последние деньги купил лесной участок в Харьковской губ. Вырубив древесину на продажу, он продал его дороже, уже как подготовленный под полевые работы. В итоге он практически утроил вложенные средства. Но такая деловая хватка была большой редкостью у великорусских помещиков. Донское же дворянство, особенно его мелкопоместная часть, вело хозяйство, основываясь “не на даровой, а на наемной работе”, а потому, как писал один из местных помещиков в 1867 г., “последовавший вскоре крестьянский переворот (отмена крепостного права – О.М.) не застал нас врасплох и не заставил прижиться при новых порядках”⁶. Еще в 1830-е г. был отмечен особый интерес местных землевладельцев к травопольной системе, английским плугам и сеялкам, высокопродуктивным и устойчивым сортам пшеницы⁷.

А в это время под боком развивался хотя и отделенный от казачьих районов сословными границами грязный поселок. Как писал оказавшийся в 1879 г. на берегах Дона в качестве представителя Российского общества промышленности и торговли Н.Е.Врангель, Ростов возник по-американски, стихийно рос без назойливой чиновничьей опеки, так как подчинялся до 1888 г. Екатеринославу. Водопровод, канализация, трамвай в Ростове появились раньше, чем в столице. А в 1890-е гг. в городе уже было электричество⁸.

Из недавних голодранцев образовался привилегированный класс. Подпись И.Э.Скарапанги под протоколом заседания Ростовского комитета торговли и мануфактуры 1889 г. – форменные каракули!⁹ Максимовы, Панченко и другие стали считать себя хозяевами города. Пригласив на должности городского головы, присяжных и судей людей образованных – таких, как выпускник училища правоведения А.М.Байков, или послав на учебу “своих” людей, как, например, И.С.Леванидов¹⁰, они составили с ними мощную группировку. Делая многое для города, они не забывали использовать его ресурсы в своих интересах.

Оценки деятельности ростовских отцов города отличаются весьма сильно от самых хвалебных до разоблачительных. Примером того, как переплетались в деятельности Байкова интересы города и его собственный коммерческий расчет, может стать подписанное им письмо в Министерство торговли и промышленности о конкуренции Новороссийска и Ростова за место главного порта для экспорта зерна из России. Ростовские предприниматели писали, что строительство Новороссийского порта финансирует государство, Ростовский же порт возник на частные средства, а “всякое искусственное поощрение одной местности ... влечет за собой вред другим. У правительства не может быть и нет детей и пасынков; для него все пункты, порты, города равны”. Подчеркивалось, что Ростов развивался и богател сам: “Всего этого Ростов достиг трудолюбием и энергиею своих

обывателей без привилегий и пособий, безо всякой до сих пор поддержки”. Они делали упор на то, что хлеб с Кубани целесообразнее возить в Ростов, а не в Новороссийск, в который ведет железная дорога с крутыми спусками и подъемами, требующая более высоких тарифов¹¹. А ведь пять лет назад они поднимали вопрос о единообразии последних.

Даже после смерти Байкова страсти вокруг его имени не утихли. Когда в 1895 г. возникло намерение установить портрет последнего в зале Городской думы, то в адрес войсковой администрации стали поступать анонимные письма¹², в которых напоминались мутные дела, творившиеся в городе при нем. Среди фактов неблагоприятной деятельности ростовского головы назывались использование сумм из наследства сирот для оплаты собственных долгов по векселям, сдача городских имуществ в аренду и передача их в собственность без торгов и согласия местного общества, введение “произвольного сбора с приезжавших на базар”, подлоги, изъятие огромных сумм из “полукопеечного сбора”. В частности поднимался вопрос о незаконном прекращении следствия, начатого против него по указанию Александра II и остановленного без высочайшего повеления при следующем императоре. Чиновник, занимавшийся этим письмом, также не поддерживал идею чествования Байкова, но выход из создавшегося положения видел в том, что решение об установке его портрета может быть принято только Министерством внутренних дел, а тому “небезызвестно, что такое был Байков, и которое поэтому может и не разрешить ходатайства Думы”¹³.

В то время когда Ростов динамично развивался и богател, Донское общество торговых казаков (“Пятисотское”¹⁴) в 1880–1890 гг. переживало сложные времена. Число его членов сокращалось, в 1892 г. в нем осталось 200 чел.¹⁵ Из него выходили, потому что взнос торговых казаков за неотбытие воинской повинности был очень тяжел. Многие занимавшиеся торговлей “выписываются” из последних. Положение не спасает даже то, что “пятисотские” казаки сами должны контролировать конкурентов – иногородних, например, внесение ими акцизов за право торговли на территории Войска¹⁶.

В декабре 1883 – январе 1884 гг. члены Торгового общества донских казаков устроили “бунт” против Гирлового комитета, который поддержал войсковой наказной атаман. Деятельность этой организации за 30 лет была оценена как бесполезная трата капитала. Представители в нем от казачества Кошкин и Переселенцев названы “лицами, бог знает кем назначенными”, им было отказано в доверии, поскольку на самом деле их назначил от казаков сам Гирловой комитет¹⁷. Причиной обмена резкостями стало то, что Ростовский комитет торговли и мануфактуры (а членами последнего и Гирлового были практически одни и те же лица) захотел заняться железнодорожным строительством на Дону, т.е. на территории войсковых земель. В качестве его формального главы был предложен начальник Московского железнодорожного округа, но не как представитель государства, а в качестве лица для контактов с Министерством путей сообщения. Текущими делами должен был ведать вице-председатель из числа представителей Ростовского комитета торговли и мануфактуры, то есть “свой человек”. Один из его членов М.Топчиев имел по этому вопросу особое мнение: председатель должен иметь авторитет среди казачьего населения, которому чужды цели комитета, поэтому целесообразно назначение его правительством и за счет последнего. Но в итоге все пошло по сценарию ростовских дельцов – председатель жил в Москве, а они работали на благо личное и города.

Конфликты между ростовскими дельцами и донскими торговыми предпринимателями – это не столкновение мировоззрений, а борьба деловых группировок. Например, деятельность Гирлового комитета наносила ущерб рыбному промыслу, издавна контролируемому казаками. Его землечерпалки сваливали ил, поднятый со дна, в те протоки, где нерестилась азовская рыба. Поэтому фраза из одной враждебной Комитету газетной заметки: “Комитет с каждым годом богатеет, служащие его получают громадные оклады и катаются как сыр в масле”¹⁸ означает протест против успешных пришлых капиталистов, но не против деловой активности в Области как таковой.

Предприниматели, действовавшие на территории Дона и Южного промышленного района вообще, могут быть условно поделены на три категории. Это – (1) иностранные и иногородние по происхождению капиталисты торгового и промышленного профиля; к ним относятся члены купеческих гильдий Ростова, Нахичевани, Таганрога; затем (2) члены Торгового общества донских казаков и (3) донские землевладельцы – производители товарного зерна и другой сельскохозяйственной продукции.

Донских дворян неправомерно представлять как ориентированных исключительно на прошлое. Они часто высказывали мысли, соответствующие времени. Например, А.П.Леонов – областной предводитель дворянства – отмечал в своем докладе Донскому дворянскому собранию в 1909 г., что столичные власти высказывают недовольство деятельностью войскового дворянства из-за того, что оно, состоя при военном министерстве, ходатайствует о введении земства на Дону, в этом они видят “ущерб исполнению ... военной службы государю”. Обращаясь к царю, донские дворяне просили дать “возможность приобщиться к гражданской общественной местной работе ... по упрочению в родном нашем крае порядка, законности и экономического благосостояния”¹⁹.

Донские землевладельцы, среди которых к началу XX в. все еще оставалось значительное число казачьих дворян, демонстрировали высокую степень соответствия современным рыночным условиям. Показательна в этом отношении фигура В.И.Денисова¹⁰. В дореформенное время главным земельным владением Денисовых была слобода Ильевка, что на правом берегу р. Сал. Крепостные находились на оброке – 8 руб. серебра с душевого надела, барщины не было вовсе. По собственной инициативе отец Денисова сделал крестьянам “уступку отстранением добавочного с них платежа на землю, ныне им отмежеванную”. Речь идет о 20% от суммы выкупного платежа, которые крестьяне должны были собрать сами, и только после этого первоначального взноса они получали частичные права на землю. Ежегодные выплаты в казну у крестьян слободы – 2912 руб. – были меньше суммы их годового оброка барину (3640 руб.)²¹. На средства, образовавшиеся после выкупной операции, была приобретена земля на территории Кубанской области, рядом со станцией Кущевка.

Экономия Ильевка представляла собой большое многоотраслевое хозяйство. В среднем оно приносило до 90 тыс. руб. годового дохода. Среди перечня выпускаемых товаров были дроги, виноградное вино, молочные продукты, мясо, разводились элитные породы скота – симментальские и ангельские коровы, йоркширские свиньи и пр. Выращивались пшеница, виноград, кормовые культуры. Имелся винокуренный завод, спирт с которого сдавался в казну. До 1904 г. Денисов сам вел хозяйство в экономии и показал себя как знающий хозяин. В дальнейшем, когда, став членом Госсовета и шталмейстером двора, Денисов постоянно жил в Петербурге, он вынужден был нанять управляющего И.Ф.Бреде. Переписка,

состоящая из писем хозяина к управляющему, дает достаточно полное представление об “экономическом человеке” России начала XX в., приемах ведения дел, коммерческой этике, контактах и даже системе ценностей активно хозяйствующих субъектов.

Уровень специальных сельскохозяйственных знаний шталмейстера двора поражает. После обхода полей внезапно нагрянувший из столицы владелец оставляет Бреде такую записку. “Осматривал люцерну ... Ее давно пора косить. 14 лан уже отцвели и завязался рожок. В 17 и 16 ланах много осота, который, если сейчас не скосить, то он будет такой твердый, что его косы не возьмут”²². Его также не устраивает способ доставки туш баранов для ресторанов Петербурга, и он дает подробную инструкцию управляющему по этому вопросу: головы и внутренности требует удалять, но почки следует оставлять, каждую тушу перекладывать соломой и пр.²³. Одно из писем представляет целое исследование годовых колебаний цен на различные сорта мяса, что имеет значение для планирования численности стад с тем, чтобы не передерживать поголовье. Так, он рекомендует своему управляющему планировать главный забой овец к апрелю-маю, а свиней – к началу лета и особенно к августу-сентябрю, что противоречит всем крестьянским традициям, но с точки зрения коммерческого расчета совершенно обоснованно²⁴. Помещик Денисов знает поименно всех работников, и то, кто к чему способен. Уважает в частности за старательность “хохлов”, многие из них регулярно приезжают на работу в его экономию. А вот «казаков нам за свой счет нанимать не стоит», пишет потомок атамана Денисова, потому что теперь он рачительный хозяин.

Несмотря на то, что Ильевка не единственное его имение, а доходами от землевладений его финансовые поступления не ограничиваются (Денисов имеет 36 тыс. в год как член Госсовета), он близко к сердцу принимает все, что касается хозяйства. Он пишет Бреде: “Быть за 2000 верст от имения очень тяжело. Меня волнует и завод, и поставка спирта, и уплата векселей, и результаты кормления [скота]... а сами вы, пока я не надоедаю, не пишете ничего.”²⁵.

Управляющий год от года все более заставлял нервничать своего нанимателя. Он капризничал, грозился уходом, требовал денег на “оборотный капитал”, “забывал» своевременно производить расчеты с владельцем экономии (“самовольно удерживаете мои деньги”, писал Денисов) и с поставщиками и пр. Вызывали недоумение суммы его расходов “на улучшение имения”. В одном из писем читаем: “Я вам верю, что вы честный человек, но любите тратить широко деньги. ... Сами чуть не каждый день в Ростове, где поездка в 1 классе, дорогой номер и др. расходы, конечно, ложатся на экономию. Доходы получаются только тогда, когда экономятся расходы, а Вы большой барин, шикарнее, чем я сам. Затем, я когда приеду, вы мне сами все расскажите и покажите книги”²⁶. Дошло до того, что Бреде возложил на хозяина ответственность за ряд хозяйственных проблем, и тот раздраженно напоминает: “Не я у вас пока управляющий, а вы у меня”²⁷.

Денисов разбирался и в финансовых вопросах. Он хорошо читал отчеты, получаемые от управляющего, ловя его на подтасовках, и платежные документы из тех банков, в которых имел счета. В письмах Бреде он дает подробные инструкции по погашению векселей по разным кредитным операциям, следит за поступлением средств из Акцизного ведомства, из Министерства железных дорог за проданный под строительство железнодорожной ветки участок и пр.

Тон писем со временем становится резче, но из документов не ясно, решился ли граф расстаться со своевольным управляющим. Видимо, столь многолетнее

сотрудничество нельзя объяснить лишь попустительством. Если Бреде проработал в экономии как минимум десять лет, то это значит, что в целом методы хозяйствования последнего устраивали помещика. А они стоят особого разговора. В архивах экономии сохранилось изрядное количество писем-жалоб от получателей и покупателей различного рода продукции этого хозяйства. Очевидно, что управляющий часто всучивал им некачественный товар, но со стороны хозяина лишь однажды поступила вялая реакция на рекламации в форме совета, что надо бы самому следить за качеством товара.

Денисов давал своему управляющему примечательные наставления: «С полицией надо быть в хороших отношениях, и надо приставу, и околоточному давать подарки. Я плачу здесь в Петербурге на Пасху и Рождество приставу от 20–25 р., околоточному 5 и другим служащим – кому 1 р., кому 3 руб. Помощнику пристава – 10 руб. Поэтому ко мне никто не лазит, и я никаких санитаров не вижу. А если один раз был, то нашел все в порядке, потому что околоточный предупредил»²⁸. Предыстория этого примечательного письма такова. Санитарная комиссия и полиция посетили молочную ферму в Ростове, записанную на жену Денисова, и нашли там нарушения гигиенических правил, что нашло отражение в газетной статье, имевшей нежелательный для хазиана резонанс.

Из частной переписки можно узнать, что два столичных сановника – граф Лихтенштейн и шталмейстер двора, член Госсовета В.И. Денисов – обсуждают в частной беседе преимущества различных схем откорма скота!²⁹ Если А.Н.Энгельгардт, вникающий в 1872 г. в тонкости возделывания льна, – исключение, то Денисов, судя по документам, в 1900–1910-х гг. – типичный представитель обуржуазивающегося дворянства.

До 1915 г. последний возглавлял Совет Российской экспортной палаты (РЭП). Он был идеологом проведения активной экспортной политики для защиты внутреннего рынка и поиска новых рынков и путей сбыта отечественной продукции. При его активном участии при Экспортной палате была создана Комиссия по пересмотру торговых договоров с Германией. Программа работ ее была разработана М.И.Туган-Барановским. Как признано историками, работа Комиссии в немалой степени способствовала эскалации антигерманских настроений в обществе в предвоенный период. В документе, подготовленном Г.А.Крестовниковым по заказу РЭП в 1911 г., указывалось, что Германия вытесняет Россию из ее исконных (!) рынков ржи в Северной Европе. Сама она еще недавно ввозила российский хлеб, теперь ввоз сокращен вдвое, на ее таможах творится произвол в отношении отечественных товаров. Ужесточаются ветеринарно-санитарные правила, устанавливаются штрафы и новые более высокие ввозные пошлины, существует диспропорция железнодорожных тарифов на немецкие и русские товары. Были случаи, когда вагоны возвращались из Германии поставщику. Вывоз пшеницы из России сокращался: в 1903 г. – 5 567 000 пуд., а в 1908 г. снижение до 3 243 000 пуд. Та же тенденция прослеживается в отношении экспорта спирта, сахара, кож и многих других товаров. Все эти расчеты производил и сам Денисов. Германия была его личным торговым конкурентом!³⁰

Таким образом, это новый тип русского дворянина, являющийся неким гибридом старого служилого сословия, «слуг государевых», от которых им были унаследованы государственное чувство и радение об общественной пользе, и новой генерации капиталистических дельцов, обладающих необходимыми знаниями и навыками, умеющих работать, с расчетом рисковать.

Успешно совмещал предпринимательство и государеву службу и предводитель

дворянства в Ростовском-на-Дону уезде А.К.Кривошеин. Он прославился подтасовыванием выборов и целым рядом мошеннических проделок. Представитель Российского общества промышленности и торговли в Ростове-на-Дону Н.Е.Врангель описал, как Кривошеин продавал пароходы с неисправными топками³¹. С 1892 по 1895 г. он исполнял обязанности министра путей сообщения, но был уличен в поставке леса из своих имений казенным железным дорогам и уволен в отставку. Владея имением в Полтавской губ., он начал строительство железнодорожной ветки к нему. Целью было удешевление стоимости транспортировки товарного хлеба, производимого в имении. После его отставки работы были остановлены чуть ли не в степи.

Не у всех дворян получалось вести хозяйство. Такие землевладельцы рано или поздно приходили к мысли о продаже имения. Дядюшка шталмейстера Денисова старый генерал Веденяпин не получал никакого дохода от двух своих имений. Родная сестра Василия Ильича с болью писала брату о решении мужа продать некой “цыганк” их имение Маховицу. В ее строках: “Для нас родное гнездо, родное детище – для них кусок земли для аферы”³² узнается чеховская коллизия, вероятно, тогда типичное явление, встречавшееся на каждом шагу. Как и в центральных губерниях, на Дону основные продавцы земли дворяне, а покупщики – крестьяне, но не местные, а пришлые – “тавричане”³³.

Не только люди богатые и влиятельные осваивали правила делового поведения. Подчас у простых людей понимание коммерческой этики было более цивилизованным. Торговый дом С.И.Великанова получил интересное письмо из Товарищества официантов Ростовского-на-Дону коммерческого клуба. Это было сообщение о том, что его члены вынуждены ликвидировать свое дело вследствие неблагоприятно сложившихся для них условий: “...Мы понесли такие большие убытки, что поставлены в совершенную невозможность удовлетворить претензии наших кредиторов. Еще до рассылки настоящего циркуляра некоторые из наших кредиторов описали принадлежащее Товариществу имущество, ввиду чего мы и считаем себя обязанными предупредить Вас об этом и покорнейше просить присоединиться с своей претензией к описанному имуществу Т-ва, дабы не пропустить установленного на сей предмет законом срока. Других же средств, кроме описанного имущества, на удовлетворение своих кредиторов товарищество не имеет”³⁴. Это объясняет, почему в 1927 г. потомственный буфетчик А.Сергеев с гордостью сообщал, что его отец 40 лет прослужил в г. Ростове н/Д официантом в коммерческом клубе³⁵. Это были почтенное занятие, и членство в достойной, не запятнавшей себя артели, поэтому и сын характеризует себя хорошим хозяйственником, честным, трезвым и исполнительным.

Можно ли говорить о том, что город был уже капиталистическим? В целом, да. Но всегда, когда старые порядки могли принести дивиденды, дельцы готовы были их использовать. В 1906 г. возник конфликт в Таганроге между давно уже существовавшей артелью грузчиков и вновь возникшей из части членов первой, которые вышли из нее³⁶. Документы дают представление о первой артели как организации скорее капиталистического, чем патриархального типа. Например, среди членов последней были такие, которые внесли вступительный взнос, но лично не участвовали в ее работе, однако получали крупные артельные паи. Так как она являлась монополистом в грузовом обслуживании судов, то ее валовой доход за навигацию мог колебаться от 240 до 300 тыс. руб. У артели был устав, по которому она не имела над собой никакого контролирующего органа. Поэтому предписания, с которыми ее старосты были не согласны, отвергались. Те

архаические черты, которые давали преимущества, артелью оберегались. Так, например, по традиции ее член считался выбывшим только после решения схода его отпустить. Поэтому, чтобы воспрепятствовать образованию конкурирующей организации, артельщики не давали недовольным “бунтарям” согласия на выход, но и не допускали их к работе, оставляя без заработка.

Образование второй артели поддерживал Биржевой комитет, официально как противовес беспорядкам и злоупотреблениям в первой артели, но реально для того, чтобы сбить непомерно высокие расценки на докерские работы в Таганрогском порту, на которые жаловались и отечественные, и зарубежные перевозчики. Вторая артель так и не была создана, но власти поставили под контроль деятельность первой. В газете “Донские областные ведомости” сообщалось, что войсковым наказным атаманом утвержден “в должности старосты Таганрогской артели грузовщиков на 1910 г. Н.П.Родниченко”³⁷.

Появлялись преступления нового типа. В станицах области работало некое “агентство жуликов”. Его “члены” брали в кредит швейные машинки, веялки, дроги, жнейки и продавали их за полцены. От платежей по кредиту они уклонялись. Им покровительствовали станичные атаманы, которые выдавали им справки из местного управления, необходимые для оформления сделки³⁸.

Не только в городах, но и в небольших населенных пунктах начали учреждаться общества потребителей и взаимного кредита³⁹. Как правило, это происходило на территории, непосредственно примыкавшей к промышленным и торговым центрам. Пайщиками были крестьяне, мещане, духовные лица, мелкие чиновники. Получение небольшого, но устойчивого дохода от свободных средств совсем не противоречило их мировоззрению.

Иные настроения замечались в среде рядовых казаков. Не только они, но и администрация Войска, были озабочены состоянием общевойсковой капитала и общим падением экономического благосостояния донцов⁴⁰. Выход из создавшегося положения виделся как в обособлении⁴¹, так и в приобщении к льготам, дарованным другим слоям общества, например, крестьянам в покупке земли с помощью Крестьянского банка⁴². В первом случае оно находилось в ожидании помощи от государства, во втором надеялось на собственный культурный рост. Если призывы к развитию слышались в основном из уст войсковой интеллигенции, то охранительные и патерналистские ожидания – черта широких слоев простых казаков. Мало того, что это типично для архаичных социумов, переживающих этап кризиса. Сами власти всегда поддерживали в казаках эти настроения. Так, в проект инструкции об обязанностях станичного схода рукой А.М.Грекова – с 1903 г. старшего помощника войскового наказного атамана по гражданской части – были также внесены пометки: следует запретить “дележ общественной земли [т.е. юртовой, находившейся в собственности Войска] на паи или участки: нельзя же смотреть равнодушно как люди глупят и сами себя губят”; разделы внутри станичного имущества можно разрешить, но выделы, как “самый сильный яд казачьего благосостояния”, строго запретить⁴³.

Когда в 1909 г. на войсковом совещательном собрании обсуждался вопрос об образовании новых станиц в задонских степях и наделении землей их жителей, то представители старых правобережных станиц, явно высказывая свои соображения об идеальном устройстве станичного быта, рекомендовали запретить сдачу излишней юртовой земли в аренду с торгов, считая, что это будет иметь вредные последствия. Депутат А.А.Назаров сформулировал предельно откровенно: арендные торги выгодны только богатым и служат образованию класса эксплуататоров. Излишняя

земля должна сдаваться обществом в аренду только своим и прежде всего тем из них, кто лично занимается земледелием⁴⁴. Уравнительные настроения – прижать богатых – высказывались многими депутатами.

Конфликты между крупными арендаторами и станичными низами были распространённым явлением. Один из них произошел осенью 1909 г. в станице Новониколаевской Таганрогского округа⁴⁵. Писарь мирового суда А.А.Бастырев в очередной раз участвовал в торгах на сдачу в аренду свободной станичной земли. Их, как всегда, он выиграл, взял 111 дес. за 1989 руб., которые и уплатил в станичную казну. Но станичный сход вскоре вынес решение о выселении его как “вредоносного” элемента. Бастырев оправдывался: “Но ни воровством, ни грабежом, ни мошенничеством и кулачеством, ни фабрикации векселей и подлогами, ни пристанодержательством и укрывательством злодеев я не занимался и в сих искусствах не обвинялся ... А преуспел я в улучшении своего материального благосостояния личным трудом рук своих и разума, предприимчивостью и энергией достиг того благополучия, которое мозолит глаза беспокойно праздных людей. Пожиная, я и пожинаю именно то, что сею, так как занимаюсь на широких и культурных началах земледелием. Продолжаю же службу у мирового судьи, ибо не привык к безделью”. Но очевидно, что писарь сам землю не пахал, что он и признал в письме: “Брать в аренду станичные и казачьи пай за плату и передавать их другим лицам, хотя бы даже за повышенную цену (*sic!*), составляет акт добровольного соглашения обеих сторон и, представляя один из видов коммерческого предприятия, не заключает в себе ни нравственного, ни юридического преступления”. Писарь просил не заблуждаться в отношении мотивов действий его врагов: его обвиняют в эксплуатации, потому что досаждают как на “серьезного конкурента в коммерческих предприятиях под маской общественных интересов, злобствуя на самом деле за свои неудачи”.

Бастырев – не казак, но среди арендаторов и заводчиков было много и казаков. На землях Юга страны соседствовали между собой уклады хозяйственной жизни – архаичный и современный. Они были разграничены не территориально, например, как городской и сельский, и не сословно, как мещанский, дворянский или казачий. Это были две модели поведения, и отношению к ним население делилось на три категории.

1.) Группа людей, органично чувствовавших себя в условиях свободного рынка рабочей силы и деловой инициативы. Среди них были и дельцы, и их наемные рабочие и служащие, а также люди свободных профессий. Отношения с властью у них были достаточно специфическими. Они ее использовали в своих целях, даже в случаях коррупции они *не подкупили* чиновников, а *откупились* от них. Авторитет власти, сдерживающей развитие сектора экономики, дававшего им средства к существованию, был в их глазах не очень высок. Численно эта группа людей не была большой, хотя в источниках того периода в качестве фигурантов она лидирует, что естественно в связи с ее активной ролью в жизни страны.

2.) Наиболее заинтересованными в консервации прежних отношений общественной субординации и собственности оказались казачьи низы. В большой степени это носило субъективно-психологический характер. Чем больше идеологи вздыхали о золотых днях казачества и об его оскудении в последнее время, тем более они поворачивали казаков в прошлое, заставляли сожалеть о том, чего в действительности никогда не было. Все усилия по консервации привилегий казачества были безрезультатны, лишь усиливали раздражение против властей и взаимную неприязнь между казаками и иногородними. Последние чувствовали себя

обойденными. Ведь многое им было запрещено на войсковых землях. Хотя архивные данные свидетельствуют, что в 1900-е г. пришлым на Дону сопутствовал экономический успех: они чаще казаков покупали земли, поступавшие в продажу, и на работу их брали охотнее. Бедные казаки это видели и искали себе опору в прошлом. Число донских казаков на рубеже веков – более полумиллиона человек. Это была весьма консолидированная консервативная группа населения.

3.) Третий тип поведения вполне может быть назван смешанным. Люди могли руководствоваться в разных ситуациях противоположными моделями поведения и мышления. Это был вариант приспособления к переходному состоянию общества.

Многоукладность экономики – явление естественное, но в России рубежа XIX и XX вв. она усугублялась государственной политикой. Самодержавие стремилось использовать потенциал промышленного и аграрного капитализма для укрепления прежде всего внешнеполитических позиций. Внутри страны центральная власть выступала как главная консервативная сила. Поддержка взаимоисключающих экономических моделей вызывала в обществе социальное напряжение. Между его слоями – приверженцами разных типов хозяйствования – усиливалось непонимание. Такое многолетнее противостояние спровоцировало социальный раскол и непримиримость наступивших вскоре революционных бурь.

---

¹ Козлов А.И. Казачья окраина России. – Ростов н/Д., 1992. – С. 9.

² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 46 об.

³ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. – Москва, 1978. – С. 16.

⁴ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. – М., 1956. – С. 27, 55.

⁵ Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков – М., 2003. – С. 194.

⁶ ГАРО. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 372 об.

⁷ Там же. – Д. 34. – Л. 252, 325, 370 об.

⁸ Врангель Н.Е. Указ. соч. – С. 237.

⁹ ГАРО. – Ф. 167. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 58.

¹⁰ Леванидов Иван Степанович, из бывших государственных крестьян Архангельской губернии, выпускник Московского университета, таганрогский нотариус.

¹¹ ГАРО. – Ф. 167. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 46, 47.

¹² Там же. – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 5, 6.

¹³ Там же. – Л. 3.

¹⁴ Донское общество торговых казаков названо “Пятисотским” в связи с числом членов.

¹⁵ ГАРО. – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 3, 4.

¹⁶ Там же. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 1, 4 об., Д. 25.

¹⁷ Там же. – Ф. 167. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 28–35.

¹⁸ Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 637. – Л. 163.

¹⁹ Там же. – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 37, 40 об., 42.

²⁰ Денисов В.И. (24.02.1863 – умер после 1917 г. за границей) окончил Пажеский корпус; с 1883 г. – в казачьих и регулярных войсках. С 1898 г. – на гражданской службе: камергер двора, затем – шталмейстер. Областной предводитель дворянства – 1901–1903 гг. Имущество – 776 десятин собственных в Ростовском округе; 6834 дес. унаследовано от отца; 400 дес. приобретено // Корягин С.В. Денисовы и другие. Серия “Генеалогия и

семейная история Донского казачества». Вып. 20. – Москва, 2001. – С. 38.

- 21 ГАРО. – Ф. 213. – Оп. 1. – Д. 682. – Л. 5, 7, 8, 20, 24.
- 22 Там же. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 7.
- 23 Там же. – Д. 14. – Л. 9 об.
- 24 Там же. – Л. 12–13.
- 25 Там же. – Л. 59 об.
- 26 Там же. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 12.
- 27 Там же. – Л. 8.
- 28 Там же. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 56, 56 об.
- 29 Там же. – Л. 58 об.
- 30 Там же. – Ф. 167. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 51–53, 89–90; Д. 31. – Л. 72.
- 31 Врангель Н.Е. Указ. соч. – С. 240–241.
- 32 ГАРО. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 31 об.
- 33 Там же. – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 21–22.
- 34 Там же. – Ф. 211. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 14.
- 35 ЦДНИ РО. – Ф. 912. – Оп. 1. – Ед. хр. 4. – Л. 505.
- 36 ГАРО. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 601. – Л. 109–110.
- 37 Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 637. – Л. 44.
- 38 Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 581. – Л. 36.
- 39 Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 637. – Л. 44; Ф. 857. – Оп. 1. – Д. 162.
- 40 Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 601. – Л. 150; Д. 637. – Л. 39; Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 47.
- 41 Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 601. – Л. 139.
- 42 Там же. – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 21–22.
- 43 Там же. – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 1.
- 44 Там же. – Ф. 55. – Оп. 1. – Д. 637. – Л. 68, 334.
- 45 Там же. – Л. 340–343.